

Р. ЛУЖНЫЙ

«ПОЭТИКА» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И ТЕОРИЯ ПОЭЗИИ В КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ

(Первая половина XVIII в.)

В исследованиях, начатых в половине прошлого столетия Н. И. Петровым,¹ продолженных потом им же и С. Т. Голубевым,² углубленных Н. С. Тихонравовым,³ А. И. Соболевским,⁴ В. Н. Перетцем,⁵ В. Н. Мочульским,⁶ В. И. Резановым,⁷ была также поставлена и в известной мере освещена проблема значения для украинской литературы, а через нее и для русской, теоретических разработок поэтики и риторики в Киево-Могилянской академии. Усилия исследователей были сосредоточены главным образом на изучении школьной драмы и отношении ее к теории и практике западноевропейской драматургии, а также преемственности между представителями киевской «учености» и позднейшим классицизмом XVIII в. Особое внимание в названных работах уделялось деятельности выдающегося представителя этой «учености» начала XVIII в. — Феофана Прокоповича, его высказываниям о поэтике и риторике 1705—1706 гг. На основании этих ис-

¹ Н. И. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. — Труды Киевской духовной академии, т. II, № 7, 1866, стр. 305—330; т. III, № 11, стр. 343—388; № 12, стр. 552—569; т. I, № 1, 1867, стр. 82—118; т. I, № 3, 1868, стр. 465—525.

² Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киев, 1911; С. Т. Голубев. Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетия. — Труды Киевской духовной академии, т. III, № 11, 1901, стр. 306—406.

³ Н. С. Тихонравов. Трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владемир». — ЖМНП, 1879, № 5, стр. 52—96.

⁴ А. И. Соболевский. Когда начался у нас ложноклассицизм? — Библиограф, 1890, № 1, стр. 1—6.

⁵ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I. СПб., 1900.

⁶ В. Н. Мочульский. Отношение южно-русской схоластики XVII в. к ложноклассицизму XVIII в. — ЖМНП, 1904, № VIII, стр. 361—379.

⁷ В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910.

следований было выяснено в предварительном порядке отношение киевской науки о поэтике к европейской теоретической мысли и школьной практике, представленной именами Скалигера и Виды, с одной стороны, и Яковом Понтаном — с другой.

К этим вопросам историки украинской и русской литературы не обращались в течение долгих лет, и только в шестидесятых годах нашего века снова была продолжена прерванная нить исследований. При этом оказалось, что киевские рукописные латинские поэтики имеют большое значение не только как историко-литературный источник для изучения теоретической мысли и поэтической практики того времени в украинской и русской словесности, но и — что особенно интересно — для расширения и углубления наших представлений о межславянских литературных связях в XVII и XVIII вв.

Цель настоящей статьи — лишь поставить проблему, подробная и обстоятельная разработка которой показала бы, какую роль сыграли труды Прокоповича в развитии литературной теории и писательской практики его продолжателей, считавших образцом «Поэтику» (1705) в течение ряда лет.

Историк украинской литературы считает год, с которого Прокопович приступил к своим лекциям в Академии (1705), началом нового периода развития теоретической мысли и письменности,⁸ периода, продолжавшегося до половины столетия. Об этом говорит и литературная деятельность писателя, и теоретическая. Содержательность, оригинальность, исключительное значение «Поэтики» на протяжении нескольких десятилетий — основывалось не только на том, что автор ее сумел стать продолжателем многолетней школьной традиции, но — сам будучи выдающимся поэтом, — противопоставил себя этой традиции, отнесся к ней критически и открыл новые дороги развитию науки о литературе. Его лекции 1705 г. отличались следующими основными чертами: осведомленное и творческое использование литературного и теоретического опыта Европы; резко критическое отношение к польско-латинской литературной и проповеднической традиции, которая имела сильное отрицательное влияние на территории Украины (к этому следует добавить и враждебное отношение автора к католицизму и иезуитам вообще); наконец, самое главное — попытка опереться в поэтике и риторике на современный литературный материал, который смог занять надлежащее ему место рядом с признанными образцовыми классическими произведениями. Опираясь в теоретических выводах на свой писательский опыт, Прокопович приводил в своих курсах одновременно с текстами новейших авторов и свои собственные произведения на языках латинском, польском и «славянском». Все это привело к тому, что преподаватели Ака-

⁸ Н. И. Петров. О словесных науках... — Труды Киевской духовной академии, т II, № 7, 1866, стр. 311—312.

демии не только признали авторитет Прокоповича в области поэтического творчества, но стали пользоваться и его теоретическими положениями: их лекции обнаруживают следы влияния «Поэтики». Пользуясь трудами Прокоповича, крупные писатели творчески развивали их; прочие следовали формально, слепо подражая им. Одни высказывания Прокоповича принимались сразу; другие пробивали себе дорогу постепенно и с трудом, некоторые так и остались непринятыми (например, отрицательное отношение к «курьезному» стиху).

Проследим поочередно пути развития наиболее существенных и важных положений «Поэтики» в работах выдающихся киевских теоретиков после 1706 г.

Деятели Академии, под влиянием авторитета Прокоповича как писателя и теоретика, а затем церковного иерарха и известного сторонника реформ Петра I, прежде всего приняли его взгляд на роль современной литературы, а также систему его положительных и отрицательных оценок этой литературы. Поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» была известна на Украине еще до 1705 г. в гениальном переводе Петра Кохановского. Илларион Ярошевицкий, автор поэтики «Cedrus Apollinis»,⁹ в 1702 г. назвал имя польского переводчика. Во вступлении к польской поэме Иллариона Ярошевицкого «Zywot swawolny», включенном в его поэтику, заметны реминисценции из поэмы Тассо. Однако лишь Прокопович «канонизировал» «Освобожденный Иерусалим», объявив его эпической поэмой, равной «Энеиде», и приведя обширные выдержки из него в нескольких местах своей «Поэтики». Высокая и авторитетная оценка этого произведения, художественное совершенство приведенных им фрагментов (это совершенство было сохранено и в польском варианте), красота отдельных сцен и описаний, — все это оставило глубокий след в киевской школьной практике. Нельзя согласиться с Н. И. Петровым, что Лаврентий Горка, сменивший Прокоповича в классе поэтики, рабски повторял своего учителя.¹⁰ В его «Idea artis poeseos...» (Петров, вып. II, № 505) действительно приводятся те же сцены и фрагменты из Тассо, что и в руководстве Прокоповича. Но вместе с тем мы находим здесь и свидетельства самостоятельного изучения и глубокого анализа: в разделе «Exempla descriptionis» Лаврентий Горка разбирает большое, насчитывающее девять октав, начало Песни IV; в другом месте он знакомит слушателей со сце-

⁹ Украинские поэтики, хранящиеся в киевских собраниях, описаны полностью в работе: Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. I, М., 1891; вып. II, М., 1896; вып. III, М., 1904, и сохранены целиком в Библиотеке Академии наук УССР в Киеве под шифрами, данными в описании Н. И. Петрова. Далее ссылки на рукописи даются в тексте в скобках: Петров, номер выпуска его описания, шифр данной рукописи. См.: Петров, вып. I, № 241.

¹⁰ Н. И. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. I—II. 1875—1877, шифр 420.

ной поединка Арганта с Танкредом из Песни XIX, предпоследней; оба этих отрывка Прокопович не приводил.

Как Прокопович, так и многие другие авторы курсов, высоко ценили поэзию другого представителя литературы Возрождения — Яна Кохановского. Упоминать о «Песнях» и «Фрашках» этого поэта стало в Киеве многолетней традицией. Горка и в данном случае проявил самостоятельность и хороший вкус. Рассуждая о поэтическом переводе, он пользуется польским переложением «Псалма 137» Яна Кохановского и сопоставляет его с латинским переводом Буханана. Побуждаемый Прокоповичем обращаться к новой литературе, Горка дополняет его примеры эпического стиля и читает своим слушателям фрагменты поэмы «Домашняя война» польского поэта XVII в. Самуила Твардовского.

Одним из любопытнейших разделов «Поэтики» Прокоповича был раздел эпиграмм (кн. III, раздел IV—VIII), который он обрабатывал особенно тщательно, приводя как пример свои латинские стихи, а также польские эпиграммы. Из четырех польских примеров Прокопович ошибочно приписал два («Король Ягелло сбил крестоносцев...» и «В той могиле лежит Дуда...») Яну Кохановскому и утвердил это ошибочное мнение на много лет.

Горка принимает идею Прокоповича о популяризации этого очень важного для современной школьной практики вида поэзии. Он не только приводит стихотворение «Король Ягелло...», но и ряд новых примеров, цитирует много интересных произведений анонимных авторов, стихи Альберта Инеса, а также большую группу четверостиший Станислава Невесского, изданных впервые в 1695 г. в Замостье.

В противоположность Прокоповичу, следуя давнишней школьной традиции, Горка обращается к латинской поэзии Матвея Сарбиевского, которого в Европе считали «сарматским Горацием». Автор «Поэтики», в соответствии со своими антииезуитскими настроениями, совершенно опустил это имя и сосредоточил свою критику манерного, испорченного стихотворства на творчестве менее видных представителей латинско-польской иезуитской поэзии. Эту критику продолжил и Горка, повторяя за своим предшественником отрицательную оценку панегирической поэмы «Война Хотимская».¹¹

Горка знакомил своих слушателей с латинскими, польскими и славянскими стихами своего учителя Прокоповича, но, следуя его примеру, включал в выступления и собственные произведения.

¹¹ Оказалось, что цитируемое Прокоповичем анонимное сочинение «Война Хотимская» не является, как предполагал И. П. Еремин, произведением Якоба Собесского «*Commentationum Chotinensis belli libri tres*». В. Кардашев отклонил авторство Собесского, но выдвинул предположение, что это могла быть поэма Вацлава Потockого. В действительности Прокопович цитировал обширное латинское панегирическое стихотворение иезуита Яна Квяткевича «*Laus prodroma ad coronam seu Carmen triumphale*».

Прекрасным польским языком он перевел в стихах (употребляя при этом по примеру Петра Кохановского трудную форму октавы!) отрывок из письма Сенеки, переводил на «славянский» язык канонические тексты: «полунощницы», «утра», «час первый» и т. д. Не упоминая фамилии автора, Прокопович с похвалой цитировал стихи «Ты, облеченная в солнце, дева богоматери».¹² Горка приводит эти же стихи вместе с именем их автора и тем самым дополняет состав национальных произведений, написанных «idiomate vernaculo». В конце упомянутого пособия переписана также драма Горки «Иосиф патриарх», что также является доказательством поддержки стремлений Прокоповича обогатить современную литературу произведениями, написанными на «родном языке».

Правда, в одном Горка не последовал за Прокоповичем. Он включил в свою поэтику отдел «курьезов» и, таким образом, закрепил существование старого обычая учить слушателей «практической поэзии», но зато по примеру своего предшественника не посвятил особый раздел «польским и славянским» стихам, к чему позже вернулись его последователи.

Традиции Прокоповича, утвержденные и обогащенные учебником Горки, в течение ряда лет оказывали влияние на выступления профессоров Киевской академии; основные же элементы этих традиций расширялись и углублялись в их работах.

Пособия, созданные во втором, третьем и четвертом десятилетиях XVIII в., свидетельствуют, что значение Яна Кохановского в Академии все еще сохраняется. Нужно помнить, что его слава на киевской почве началась с того, что эпиграммы о Крупе и Дуде были приписаны ему Прокоповичем, а затем эти произведения Кохановского были использованы в лекциях и сочинениях Горки, в частности «Псалом 137», завершающий период того самого «псевдокохановизма», как и фразка «Nagrobek Adrianowi Doktorowi» в переработке Конисского 1746 г. В учебниках этого сорокалетия часто упоминаются и цитируются и другие стихотворения Кохановского, в особенности его «Фрашки» («Epitafium Wysockiemu», «Epitafium dziecięciu», «Raki», «Nagrobek opifej babie», «Na zdrowie», а также и «Песни», «Псалтырь», отрывок из «Dziewosłob». Его имя неизменно появляется во всех общих перечнях образцовых поэтов и в разделах «О польских и славянских стихах».

Как было показано, Феофан Прокопович «открыл» для Академии «Освобожденный Иерусалим» Тассо в переводе Петра Кохановского. Название этого произведения не сходило со страниц

¹² Автор комментария к сочинениям Прокоповича (см.: Ф. Прокопович, Сочинения, под ред. И. П. Еремина, М.—Л., 1961, стр. 495) не указывает, чье это произведение, кто этот «знаменитый и ученый муж». Этим автором является известный в свое время поэт Стефан Яворский.

киевских учебников вплоть до середины XVIII в.; поэма стала считаться источником классических образцов для различных разделов поэтической науки. Последователи Прокоповича, вдохновленные его примером, не только брали «готовый материал» из его «Поэтики», но и, как это делал Горка, — сами читали поэму и находили в ней новые ценности. Так, например, «Поэтика» 1714 г. («*Libri tres de arte poetica*»; Петров, вып. II, № 509) цитирует отрывки, приведенные Прокоповичем, и вводит прекрасное описание ночи в Песне II (строфа 96). «Канонизированные» и в «Поэтике» 1705 г., отрывки из «Освобожденного Иерусалима» фигурируют в киевских школьных рукописях чаще всего как фрагменты из произведения Кохановского, реже как сочинение их подлинного автора — Тассо; они часто упоминаются в главе «*de exercitatione*» рядом со стихами самого Прокоповича. Киевские авторы, принимая, вслед за Прокоповичем, высокую оценку «Освобожденного Иерусалима», при обсуждении вопросов поэтического стиля в течение ряда лет делали объектом критики панегирик Яна Квяткевича, получивший суровый отзыв автора «Поэтики» 1705 г.

Утвержденная авторитетом Прокоповича высокая оценка сатирических польских стихов, в особенности юмористических эпиграмм как образцов эпиграмматической поэзии, стала как бы обязательной для продолжателей Прокоповича. В своих лекциях они не только повторяли стихи, приписанные Прокоповичем Кохановскому, а также два анонимных сочинения «*Nagrobki pijanicy*», но и расширяли репертуар этого рода, вводя иногда чрезвычайно интересные произведения. Наиболее глубокое влияние на киевскую школьную практику оказали включенные в академические рукописные сборники собственные произведения Прокоповича, как вошедшие в «Поэтику», так и не вошедшие. Прокопович очень активно обращал внимание своих слушателей на новейшую литературу, на произведения, близкие современности и тематически связанные с местными условиями, на сочинения наиболее выдающихся авторов. Поэтому он стал не только авторитетом в вопросах теории, но и «классиком», одним из тех писателей, о которых говорят, которых цитируют, которым подражают. Наибольшей популярностью пользовались оба «славянских» варианта — польский и русский — переведенной им элегии Овидия («*Tristia*, lib. 1, *elegia* 7). Ссылаясь на них в своих курсах в 1721, 1727, 1729, 1739 и 1744 гг. (Петров, вып. II, № 316; вып. I, № 258; вып. II, № 320, 321; вып. II, №№ 326, 327) рядом с текстом Тассо, составители руководств перестали уже упоминать имя автора и сообщали только «*ab erudito viro*». Стихи «*Laudatio Borysthenis*» («Похвала Днепру») приводились в 1721, 1729, 1744 гг.; «*Elegia Alexii*» также в 1744 г., а «*Comparatio vitae monasticae cum civili*» («Сравнение жизни монастырской и светской») цитировал автор руководства 1714 г. (Петров, вып. II, № 509). Рассматривая жанр оды и «польско-славянский стих», авторы ру-

ководств обращались к «Епиникиону» (Петров, вып. II, № 316, 317), а также к названным выше стихам Яворского.

Последнюю, любопытнейшую стадию продолжения традиций Прокоповича представляют «Hortus poeticus» Митрофана Довгалевого (1737 г.; Петров, вып. I, № 261) и «Praecepta de arte poetica» Георгия Конисского (1746 г.).¹³

Около 1750 г. начинается новый период в истории украинской науки и литературы. В лекциях 1739 и 1744 гг. тогда речь шла о сатирической поэзии, а в качестве примера уже упоминалась и цитировалась II сатира Антиоха Кантемира.

¹³ Н. И. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея, № 426.